

ЕЩЕ О НАЧИНАЮЩИХ ЛИТЕРАТОРАХ

Лит. Россия. - 1992. - 26 июня
(№26) - с. 10.

Эта статья была напечатана молодым Джеком Лондоном почти 90 лет назад в журнале «Критик» и лишь недавно впервые была в США переиздана.

Хотя к 1902 году вышли в свет уже два сборника рассказов Лондона, он еще был мало известен. Но мучительное вхождение в литературу, когда он порой готов был от отчаяния покончить с собой, осталось позади. Ровно через год будет опубликована принесшая ему славу первоклассного писателя повесть «Зов предков», потом романы «Морской волк», «Белый Клык».

НАЧИНАЮЩИЙ литератор, точнее, начинающий писатель или, еще точнее, начинающий писатель со здоровым желудком и пустым кошелем в наши дни сталкивается лицом к лицу с вопиющим противоречием. Будучи начинающим, он, естественно, принадлежит к числу тех, кто еще не достиг цели; как человек на перепутье, он еще не завоевал известности. Как всякое живое существо, да еще с пустым карманом, он хочет есть. Будучи художником с истинно артистической душой, он находит удовлетворение в излиянии радости сердца своего в печатном слове. Проблема на его пути, которую он вынужден разрешить, сводится к следующему: как и каким образом должен он петь о радостях своего сердца, чтобы печатное слово могло обеспечить ему хлеб?

На первый взгляд здесь нет проблемы. Во всяком случае, заурядный начинающий литератор ее не замечает, не видит ее и тот, кто, обладая артистической душой, имеет при этом и полный кошелек. Тот, кто далек от искусства, с завидной легкостью откликается на потребности публики. А тот, кого не терзает низменная необходимость, терпеливо ожидает, пока не сумеет пробудить потребность у публики. Достигший своего — не в счет. Он решил проблему. С ней сталкивается только великий мечтатель, попавший во власть неизменной необходимости. Это он томится от неизбывного желания выплеснуть свою артистическую душу в свой труд и обменять его на хлеб и мясо. Как это ни странно, но жестокий мир отнюдь не расположен обменивать радости его сердца на утеху для его желудка. Ему суждено совершить поразительное открытие: оказывается, превыше всего ценится как раз то, что менее всего того заслуживает, и то, что публика шумно требует, совсем того не стоит.

Так уж устроен свет, особенно в двадцатом веке, по крайней мере в том, что касается печатного слова. В журналах ныне благоденствует проклятый желтый журнализм. Главное — это популярность. Деньги приносит реклама; рекламу привлекает тираж; журнал дает тираж; проблема в том, что печатать, чтобы обеспечить тираж, который привлечет рекламу, которая в свою очередь принесет деньги? Редактор, следовательно, зависит от бизнесмена-менеджера, ведающего вопросами распространения, поелику сам редактор не в состоянии держать их в своем поле зрения. А чтобы рекламы было много и чтобы денег шло побольше, должен быть большим тираж. Поэтому и помещает издатель на страницах своего журнала то, чего жалеет масса. Он не печатает то, что следует ей читать, ибо его задача — пособничать, а не пропагандировать.

За всем этим стоит откровенно коммерческий расчет. А как же иначе в век коммерции? Ныне самые главные жизненные ценности выражаются в форме денежных сумм. Всего важнее — это способность делать деньги. Когда наш почтенный председатель суда отошел недавно в лучший мир, то выражением самого глубокого уважения, которое только способен был ему выказать город Нью-Йорк, была пятиминутная остановка движения на железных дорогах и прекращение на полминуты работы телеграфа, иными словами, приостановка соответственно на пять минут и на полминуты делания денег. Так Нью-Йорк продемонстрировал свою искренность. Глубина его скорби может быть измерена продолжительностью этих актов. Делание денег для города столь важно, настолько существенно, что приостановка работы на пять минут — гораздо более серьезное свидетельство скорби и печали, нежели пятьдесят две недели поста и всевозможных соболезнований. Это все тот же извечный дух жертвенности, скрытый в тайниках жизни, именно он в древние времена побуждал пастуха отдавать упитанного первенца из своего стада; он побудил Авраама на земле Мориях отдать плоть от плоти своей, сына Исаака, в доказательство своей пламенной веры в Бога; и тот же самый дух побудил Нью-Йорк приостановить делание денег там на пять, а здесь на полминуты.

Поскольку делание денег, вне всякого сомнения, самый насущный факт современной жизни, то и литература, естественно, оценивается суммами доходов. И, с точки зрения бизнеса, то обстоятельство, что издатель на страницах своего журнала печатает то, что хочет читать большее число людей, это не только справедливо, но и прекрасно. Это от признания суще-

ствования масс, или, иными словами (что то же самое), от вынужденного признания их интересов; необходимости обеспечивать их хорошими жилищами, добротной одеждой, бесплатными школами, гражданской и религиозной свободами. Это плата за демократию. Но от человека, недавно обретшего свободу, недавно ощутившего силу, нельзя ожидать зрелости. Не могут невежественные люди в мгновение ока стать культурными. Не может масса, не имея совершенно никакого понятия об искусстве, вместе со свободой обрести и возвышенные представления об искусстве. И где бы ни открывалась дорога к свободному развитию, где бы простые люди ни брали впервые судьбу в собственные руки, там всегда наблюдался отход от всего утонченного в стиле и обычаях, снижение до чего-то среднего, среднечеловеческого.

Греки две тысячи лет назад являли собой образец культурного народа. Однако, говоря об этом, мы склонны забывать, что каждый афинянин восседал на головах и плечах десятка рабов. Мы склонны забывать, что, имея эти рабы равный голос и право участвовать в делах Афин, греческая культура представляла бы собой совершенно иное и отнюдь не примечательное явление. А ныне мы точно так же склонны забывать о том, что не далее как вчера, всего лишь вчера, признали мы право на равные голоса наших крестьян и рабов, наших невежд, наших «подлых и отверженных». И, вне всякого сомнения, стоит подлому или невежде превратиться в свободного человека, научившегося читать и писать и путано о чем-то рассуждать, как, получив три доллара в день за работу головой и руками, он обязательно, этот «подлый и невежда», с десяти центами в кармане и желанием купить журнал, становится в этом мире силой. Свободный и равный голос его непременно будет услышан, издатель будет ему внимать, ибо именно такие люди и составляют абсолютное большинство...

ПЕРСПЕКТИВНАЯ оценка литературы их не волнует. Со своими центами в карманах и правом показаться на пальцах, как оно — «на большой» или совсем наоборот, они решают, что будет жить сегодня и в ближайший месяц; а тем самым, своими центами (то есть хлебом и мясом), они решают, чем сегодня и в ближайший месяц будут жить писатели.

Однако если в том, что касается непосредственной оценки, хозяевами являются массы, то окончательную оценку дает иная, численно небольшая группа людей, которые, фигурально выражаясь, стоят на плечах и головах других. Эти судьи последней инстанции могут быть названы, употребляя этот термин в широком смысле, «критиками». Их не следует путать с рецензентами книг, строчащими рекламы, публикуемые на страницах тех же самых изданий. Они не обязательно профессионалы и далеко не всегда высказываются через печать. Не обращая внимания на расхожее мнение, эти люди добрым словом отзываются о достойной вещи и бранят чепуху, и они не перестают говорить добрые слова о хорошем и бранить чепуху до тех пор, пока не привлекут внимание толпы. Они, пожалуй, напоминают учителей средней школы. Ребятышки обычно с гораздо большим удовольствием гоняются за бабочками, нежели извлекают корни, а учитель твердит и твердит им свое, пока в конце концов не вдолбит в их головы пресловутый кубический корень. Их отношение к знаниям — непосредственное, а его — зрелое, в последней инстанции. Точно так же обстоит дело с широкой массой и критиками. Критики твердят и твердят, отдавая должное и ругая, до тех пор объясняют и интерпретируют, внося ясность и уточняя, с полным основанием воздая художнику по заслугам, что в конце концов заставляют публику тоже воздать ему по заслугам...

ИВОТ появляется начинающий художник и выплескивает свою неспетую песню на бумажные страницы; чтобы обменять радости своего сердца на утеху для своего желудка, он создает вещи, которые должны жить, чтобы тем самым жить самому. Если этому начинающему художнику крупно не повезет, то он вскоре обнаружит, что между песней для пишущей машинки и песней для публикации в журнале нет ничего общего, что душевные излияния и сердечные порывы, спрессованные в совершенное произведение искусства, ныне отнюдь не обязательно являют-

ся литературой; короче говоря, хозяина, которому в одно и то же время можно было бы служить и ради хлеба, и ради славы, просто не существует. Но, присев однажды перевести дух, он вдруг замечает других начинающих литераторов, которые опережают его; целые толпы таких авторов согласны иметь хлеб, махнув рукой на славу. Люди в основном делятся на две группы — большую и малую; хлеб и слава оказываются несоместными, и там, где он хочет служить одному хозяину, существуют два. Одному нужно служить, чтобы жить, другому — чтобы жили твои творения, и то, что требуется одному, другому почти, или даже совсем, ни к чему.

— Вперед! — говорит ему проницательный критик, похлопывая его по плечу. — Мы за тебя. Создавай шедевры, и мы впишем твое имя среди самых достойных в храме славы.

Но, увы, критик принадлежит к той немногочисленной группе, к которой издатель не прислушивается.

— Мне не нужны шедевры, — говорит издатель. — Я обслуживаю широкие массы определенного уровня. Дайте мне что-нибудь, не важно что, лишь бы годилось для этого уровня, и я выпишу на ваше имя приличную сумму в национальном банке.

— Правда восторгается, — нашептывает проницательный критик. — Смотри дальше вперед, и все будет помнить о тебе; и наши дети, и дети наших детей будут вспоминать тебя.

И начинающий художник садится за стол и воплощает неувыдаемую и прекрасную правду в материальную форму.

— Слишком грубо, — говорит издатель.

— Вы хотите сказать, слишком правдиво, — возражает художник.

— Совершенно верно, — отвечает издатель. — Это стоило бы мне тысячи подписчиков. Поймите же, молодое дарование, мне ни к чему это забегание вперед, ради ваших мечтаний мои подписчики не захотят расстаться со своими честно заработанными деньгами.

— Вам не нужна... правда?... — запинаясь, произносит начинающий художник.

— Не совсем так, — говорит издатель, — но пора бы понять, что есть правда, и правда, и еще одна правда. Да, мы хотим правды, но правды смягченной, правды разбавленной, правды несоленой, безобидной правды, общеприемлемой правды, подчищенной правды. Вот что нам нужно! Отшлифуйте вашу правду, молодой человек. Берите ножницы и режьте, а потом я сам дочую.

— Но так я отрежу и свое бессмертие! — восклицает художник.

— Ну, знаете ли, — наконец строго заявляет издатель, — я не занимаюсь торговлей бессмертием...

И начинающий художник уходит и сызнова начинает размышлять о своих неспетых песнях и низменных потребностях. Как, каким образом должен петь он о радостях своего сердца, чтобы их печатали и они приносили ему хлеб? С недоумением взирает он на тех начинающих литераторов, которые, несмотря на препятствия, из месяца в месяц печатают свои откровения в журналах. Еще более его поражает сознание, что им таки удалось решить стоящую перед ними проблему. Вот напечатан отрывок Джексона, **Великого Джексона**, и очерк **Бессмертного Дженкинса**; разборчивый издатель не говорил им, что такие отрывки и очерки не имеют спроса. А вот и еще один бойкий стишок миссис Мейбл, **Несравненной миссис Мейбл**. Ведь и он брал ту же ноту в своей яркой и более энергичной песне, однако тот же самый издатель завернул ее.

«Дорогой сэр, — пишет в ответ на его сетования издатель. — Знаменитые писатели, о которых вы упоминаете, — это авторитеты. Они завоевали репутацию...»

«Но позвольте, если вы отказываетесь печатать их сейчас, — говорит начинающий художник, — то как же я завоеваю репутацию?»

«А это уж не мое, а ваше дело», — отвечает издатель.

И начинающий писатель либо сдается, приняв решение зарабатывать на хлеб и оставив мечту о славе, либо, сумев выстоять, обходит злосчастное противоречие точно так же, как Джексон, Дженкинс и Мейбл обошли его. А как ему удалось его обойти? Ну, уж это, дорогой читатель, как сказал издатель, его дело. А ты будь благодарен и за то, что ему удалось это сделать.

Публикация и перевод с английского Виля БЫКОВА